

Иван Соснович

Беломорские сказки

Не в котором царстве, не в котором государстве жил-был крестьянин. Жил он не богато, не бедно, а так – средне. И жили они двое со старухой. И вот все им было жить хорошо, только не было никого детей у них. В одно прекрасное время старуха и говорит:

– Слушай, старичок, у нас нет детей и не будет, а я вот слыхала в одном месте, как можно достать детей.

– Ну-ко, говори, бабушка, как можно достать детей, как мы уж стали стары.

– А вот как: сходи в лес, да выруби кусок сосны и сделай из сосны парня, не живого, конечно, а из сосны, и вот принеси его мне, а я положу в зыбку и буду качать три года, и родится у нас парень. Вот поверь мне, а я слыхала, испытаем.

Вот старик послушал ее, пошел в лес и сделал, знаешь, из сосны парня. Принес ей.

– Ну, старуха, на, не лень, дак качай три года.

– Уж я постараюсь, буду.

Старик, конечно, работат в поле, а она качает, сготовит обед и опять качает.

Так качает, качает, и вот проходит три года. Дело сделалось к весне: старику надо сеять да пахать – делать свое дело. Вот раз старик уехал в поле пахать, а уж исполнилось три года. Она качала, качала, вдруг выходит сын и говорит:

– Здравствуйте, маменька, вот я родился.

Та и обрадела: прямо стал на ноги, вышел из зыбки и заговорил.

– Родился-то ты и хорошо и заговорил, ну, не знаю, как тебя звать-стать.

– Ну, зови меня Иваном Сосновичем. А она приготовила обед.

– Вит обед-то дедушку и готовый бы, да ты еще не можешь снести, как ты еще малый; надо мне самой понести дедушку обед.

– Ну, мама, собирай, я понесу; найду, где он в поле работает, пойду по полям, найду. Она собрала ему все в корзинку.

– Ну, неси, если можешь.

Указала ему полосу, куда нести. Иван Соснович и пошел. И вот идет, идет, идет и увидал старичка, который работает.

Он его узнал, конечно.

– Здравствуй, дедушко, мой отец ты будешь.

– Я тебя не знаю, сынок, ты скажи, кто ты есть. Он и говорит:

– Вот что, дедушко, ведь я есть Иван Соснович, мать моя качала меня три года, вот я и вырос. И принес тебе обед.

– Ну, и хорошо, коли ты такой малый, и принес мне обед. Ну, садись вместе со мною обедать.

– Нет, я не хочу, а ты дай мне кобылу, я попашу.

– Что ты, что ты, сынок, ты еще малый, не можешь.

– Нет, я попашу.

– Ну, попробуй.

И вот старик думает: «Ну, раз просишь, так что же делать, попробуй».

Вот берет соху и запрягает кобылу, а старик ест. Взял соху и так упер ее в землю, что кобыла тянуть не может.

– Нет, слушай, Иван Соснович, тебе не пахать на моей кобыле: ты очень упираешь соху в землю, и она не может снести твою силу, – ты очень сильный. Отпусти ее, пусть она немножко травы пощиплет, и садись со мной обедать. А я после обеда немного отдохну, потом ты сходишь и приведешь ее.

Вот, конечно, он отпустил кобылу траву щипать, а сам сел с ним.

Дедушко пообедал и повалился спать. Потом дедушко встал со сна и говорит:

– Ну-ко, Иван Соснович, сходи, приведи кобылу, и пойдешь домой, а я после приду.

Вот, значит, он пошел за кобылой. Приходит, а уж волк-медный лоб съел кобылу у них и бросился на него.

– Съем, мол, тебя.

И допустил его близко Иван Соснович, схватил его за ноги и бросил наземь, да так, что осталось только мокро от него, только земля задрожала вся. И пошел к старику.

Пришел к дедушку и говорит:

– Ну, отец, волк-медный лоб нашу кобылу съел.

– Ой, Иван Соснович, как же он тебя не съел?

– Нет, он меня не съел, а я его убил, больше уж он ни у кого кобыл есть не будет.

– Ну, пойдём тогда домой.

И пошли. Старик думает: «Нет, это мне тоже не кормилец будет, уж раз волка убил, так порядочный богатырь».

Приходит к своей старухе. Старуха и спрашивает:

– Ну, так что прочь, старичок, пришли со сыном? Старик начал рассказывать про сына и про волка:

– Вот принес мне сын обед, и я сел есть. Сел есть, он и говорит: «Дай мне-ка, я буду пахать». И я не мог отказать. Взял он соху, запряг кобылу и так ее запустил в землю, что еле видно, и кобыла не может итти. Я и сказал: «Отпусти ее, пусть траву щиплет». И вот мы ее отпустили, потом я немножко отдохнул и сказал: «Ну-ко, Иван Соснович, походи сходи, приведи кобылу». А в это время он пришел за

кобылой, а уж волк-медный лоб у нас кобылу съел. И вот он схватил этого волка за ноги, как ударит этого волка о землю, так вся земля задрожала. Убил этого волка, – вот мы поэтому и пришли домой. И слушай, бабушка, – потом он ей и говорит, – опять же он нам не кормилец, думали кормилец, а нет, наверно, он у нас жить не будет.

Иван Соснович это все слышит, что они говорят, хотя стоит не близко.

И вот они переспали ночь. На другой день Иван Соснович и говорит:

– Отец, поди-ко в кузницу, да скуй мне топор, а я пойду вам дров порубить, у вас дров мало.

– Какой тебе, Иван Соснович, надо топор?

– Да в пятьдесят пудов.

Старик пошел, конечно, в кузницу, в заказал кузнецам топор в пятьдесят пудов. Кузнецы сказали:

– Мы, конечно, скуем, только пусть сам за ним придет, мы не можем его принести для твоего сына.

И начали они ковать.

Он приходит к сыну.

– Вот, сынок, сходи сам за топором, они уж куют, но никто принести его не может.

Иван Соснович сам пошел в кузницу. Приходит в кузницу. Кузнецы и говорят:

– Ну, бери топор, вот он лежит, мы его нести не можем.

Иван Соснович берет топор одной рукой и пошел домой. Пришел он домой, к матери, к отцу, и говорит; – Ну, теперь пообедаем, а потом я пойду дров рубить.

Пообедали. Иван Соснович пошел дров рубить. Рубил он целый день.

Приходит вечером домой и говорит:

– Ну, отец, мало же сегодня я нарубил, только пятьдесят сажень, топор легкой. Поди завтра, закажи в кузнице топор в сто пудов, а я пойду еще завтра дров рубить.

И старик пошел кряду же в кузницу и заказал топор в сто пудов. И вот кузнецы, конечно, начали ковать. Приходит Иван Соснович на другой день, берет топор, пообедал и пошел в лес. Пошел в лес, порубил до вечера, пришел домой и говорит; – Ну, отец, нарубил-то я мало: только сто сажень, топор легкой. Поди, закажи завтра в кузнице топор в полтораста пудов.

Старик кряду же пошел, заказал топор в полтораста пудов, и чтобы к утру был готов. Кузнецы не смеют отказаться, и к утру опять сковали. Утром стает со сна, пообедал, пошел в кузницу, а из кузницы прямо в лес. Приходит в лес и рубит он целый день. Вечером приходит и говорит:

– Ну, отец, сегодня я порядочно порубил: полтораста сажень да топор легкой, ну, уж теперь хватит вам на целый век. Больше я тебя да кузнецей затруднять не буду. И взял эти три топора и стащил в кузницу.

– Ну, делайте теперь, что хотите, с топорами.

И сам пришел опять обратно домой и говорит на следующий день отцу:

– Ну, отец, сходи еще в кузницу, пусть скуют кузнецы мне-ка палицу в триста пудов, такую, чтобы эта палица не гнулась и о камень не ломалась и чтобы через сутки была готова.

И старик пошел заказывать. Сам боится.

– Хошь бы ты, однако, ушел, уж мне не кормилец.

И вот кузнецы, значит, и куют эту палицу. Куют и куют, и куют; сутками сготовили, как попало, – тоже боятся, кака будет.

Приходит он в кузницу на второй день. Приходит в кузницу, и говорят кузнецы:

– Ну, вот, Иван Соснович, вот тебе палица, бери, а уж мы ее поднять не можем.

Вот когда он взял эту в руки палицу, нагнул только, она вся в дугу согнулась, и сказал:

– Если вы мне хорошо не сделаете, то вам плохо будет, я приду завтра к вам.

Так им пригрозил, что кузнецы сразу взялись за работу. Вот он пережил опять сутки, приходит в кузницу, взял палицу в руки, не гнется, бросил о камень – сломалась.

– Ну, ребята, сделайте так, чтобы она и о камень не сломалась, а тогда я вам заплачу.

Вот уж на третий день приходит, берет эту палицу – не гнется. Поднял вверх, бросил – чуть погнулась.

– Ну, ладно, ребята, уж больше я вас тревожить не буду.

Заплатил кузнецам уж какой уплаты они от роду не видали и пришел домой. И вот он, значит, когда пришел домой, и говорит:

– Ну, отец, мать, пеките мне теперь подорожнички, а я пойду, куда меня голова несет, так что вы меня больше не увидите.

– Ну, что же делать, поди, сынок.

На второй же день это все было готово. Распростился с отцом, матерью, насыпал им денег.

– Вот, – говорит, – вам на старость, а дрова у вас есть, живите наздоровье.

И так в путь-дорогу.

И пошел. Идет и идет со своей палицей. Вдруг пришел он к двум дубам, и стоит между дубами старик. Стоит и в руки тот и другой дуб берет, и поколачивает дуб о дуб.

Он увидал и заговорил:

– Здравствуй, богатырь Дубиня.

– Здравствуй, здравствуй, добрый человек. Нет, не есть я богатырь Дубиня. Вот Иван Соснович волка-медного лоба убил, вся земля дрожала, вот эю богатырь!

– Ну, дак вот я и есть Иван Соснович.

– Возьми меня, брат, с собой.

– А куда?

– Куда голова несет.

– Ну, пойдём.

И вот их стало двое. И идут себе, пришли они к двум горам. Стоит человек между горами и изредка поколачивает, гору о гору поднимает.

Вот он и заговорил:

– Здравствуй, богатырь Горыня.

– Здравствуй, здравствуй. Не есть я богатырь Горыня, вот есть богатырь Иван Соснович, – волка-медного лбба убил, так вся земля дрожала, вот богатырь!

– Так я и есть Иван Соснович.

– Куда пошел? Возьми меня с собой.

– Пойдем.

Вот пошли дальше.

Шли-шли, приходят они к реке. Стоит богатырь, на усах людей перевозит.

Иван Соснович и заговорил:

– Здравствуй, богатырь Усыня.

– Здравствуйте. Нет, не есть я богатырь Усыня. Вот есть Иван Соснович, – волка-медного лоба убил, вот богатырь!

– Дак я и есть Иван Соснович.

– Возьмите меня с собой.

– Ну, пойдем. А нам нужно попасть через реку.

– Ну, становитесь на ус по одному человеку, я вас перевезу.

И так всех перетащил через реку. А потом растянул свой ус.

– Вы меня перетащите, и больше здесь перевозу не будет.

Так и сделали. И пошли они по дороге вчетвером. И шли, шли, шли они, конечно, так не близко место. Вдруг увидали, стоит дом, кругом ограда, дом большой. Зашли они в этот дом.

Зашли в этот дом, в доме никого нет. Смотрят – столова, кухня, где готовят кушанья. Иван Соснович и говорит:

– Вот что, ребята. Во дворе есть волы, надо зарезать пять волов и сжарить. Ну, кто сѣдни будет за повара? Остаься ты, Дубиня, приготовь нам обед, а мы потом придем.

Вот Дубиня сходил на двор, зарезал волов и варит. Сварил, покушал немного, а сам все в окно поглядывает, что как долго товарищей не видать. Все как будто чего-то боится.

Однажды взглянул в окно, смотрит – бежит старик, сам с ноть, борода с локоть, и сам сорок возов за собой сена тащит. Сейчас притащил, открывает двор, начал воды качать, волов выпускать и считать. Считал, считал, пяти волов по счету нехватает.

– Э, – говорит, – кто тут у меня есть? Не кормит, не поит, а моим интересом пользуется.

И побежал в избушку. Прибежал в кухню, смотрит – сидит Дубиня.

Взял его за волосы, бил, бил, возил, возил, до того возил, что Дубиня ни с места. Выбежал на улицу, сунул под угол. «Ну, пускай этот угол не гниет». И убежал.

Этот Дубиня лежал, лежал и опомнился. Опомнился и начинает под углом шевелиться. Вертелся,

вертелся, да и вышел. Пошел в кухню, смотрит – огонь погас под котлом. Зажег огонь, сам повалился на кровать. Вот приходят братья:

– Ну, что, Дубиня, обед готов?

– Готов.

– Так вставай есть.

– Не хочу, угорел.

– Ну, не хочу, так не надо.

Вот сели они есть, суп выхлебали, мясо съели, им показалось мало.

Иван Соснович и говорит:

– Ну, вот, Горыня, ты теперь оставайся, а Дубиня пойдет с нами. Готовь обед и зарежь сѣдни волов семь, чтоб нам хватило пообедать.

И ушли. Вот, конечно, это Горыня приходит на двор, берет семь волов, зарезал, вымыл, поставил мясо и варит также. Варит; уже покипело часа три-четыре, мясо стало поспевать. Вынял кусок, поел в ожиданьи, а сам все смотрит в окно: «Скоро ли придут товарищи, уже совсем все готово».

Однажды взглянул в окно, смотрит – бежит старик, сам с ноготь, борода с локоть, сорок возов за собой сена тащит. Прибежал во двор, начал опять воды качать и быков считать. Считал, считал, семи нехватает. Нехватает семи, он и побежал. «Кто такой у меня здесь поселился, не поит, не кормит, чужим интересом пользуется».

Прибежал в избу, и давай возить, Горыню. Бил, бил, смял; выбежал на улицу, сунул под угол. «Ну, пускай и другой не гниет».

А сам под тем углом не смотрит. Этот Горыня опять таким же путем вертелся там под углом, вертелся и вышел. Побежал, скорее огня подложил и свалился на кровать. Вот идут товарищи:

– Вставай, Горыня, давай обедать!

– Не хочу, голова болит, угорел. А этот Дубиня отвечает:

– Угарна же здесь изба есть.

Ну, сам не говорит, что то же с ним было, молчит. Теперь они поели это мясо, им показалось мало. Иван Соснович и говорит:

– Ну, вот что, Усыня, ты сѣдни останься, зарежь десять волов, чтобы нам поесть честь-честью, а мы пойдем.

И вот собрались все трое, ушли. Усыня сейчас идет на двор, зарезал десять быков, поставил варить. Вынял кусок, поел – хороша.

«а долго братьев нет», – все поглядывают в окно.

И смотрит из окна – бежит старик, сам с ноготь, борода с локоть, сорок возов за собой сена тащит. «Что такое?» Забежал во двор, начал быков считать, опять нехватает, теперь десяти уже. «Что такое у меня творится; каждый день завелось, что быки теряются. Не поит, не кормит, а чужим интересом пользуется». Забежал в избу, хватил Усыню за усы и давай его таскать.

Усыня ничего не может с ним сделать. Бил, бил, таскал, таскал, выбежал на улицу, сунул под угол. «Ну, пускай и третий угол не гниет».

Усыня подумал: «Ну, наверно, такая же честь и братьям была, оттого, наверно, им и угар был».

И начал также под углом шевелиться. Вышел, пришел в избу, видит – все потухло. Он зажег огонь, растопил и свалился на кровать: не может больше. Вдруг слышит, что идут братья.

Вот спрашивает опять Иван Соснович:

– Ну, суп готов?

– Готов.

– Так вставай есть.

– Не могу, угорел очень, голова болит.

Ну, сели они есть. Поели. Иван Соснович и говорит:

– Ну, так вы все подьте, а я останусь, – что у вас за угар?

Вот они все собрались, пошли и говорят:

– Ну, да ладно, будет же и тебе такая честь, Иван Соснович, какая нам была.

А Иван Соснович пошел на двор. Пошел на двор и зарезал двенадцать волов. Притащил, намыл, заставил и ходит по комнатам, песни поет. Посмотрел, мясо готово. Вытащил кусок, поел и опять поет. «Что-то долю братьев нету. Что у них был за угар? Никакого угару нет».

И видит в окно – бежит старик, сам с ноздь, борода с локоть, сорок возов сена за – собой тащит. Забежал во двор, начал воды качать, быков поить. А он выходит, попеват песню. Старик считал, считал, нехватает двенадцати. «Что такое? Кто у меня поселился? Не кормит, не поит, а моим интересом пользуется».

Побежал в избу и давай возиться с Иваном Сосновичем.

Возились, возились, ничего с Иваном Сосновичем сделать не может. Иван Соснович ему всю бороду оборвал, осталась только что одна голова. Захватил в обе руки голову эту, взял молоток, гвозди и прибил к стенке, только голова вертится.

Вдруг слышит, идут братья. А голову он затащил, прибил в другу избу, только дверь немного полая. Приходят.

– Ну, садитесь, ребята, обед готов.

Они думают: «Что такое?» Сам садится с ним а есть, а дверь-то полая. Вот они в щелку и видят – голова вертится.

– Смотрите, братья, угар-то наш! Иван Соснович услышал:

– Ну, что, ребята?

– Да мы говорим – вон старик, угар-то наш.

– Да вы что мне раньше не сказали?

– А мы потому не сказали, что кто из нас сильней будет. Теперь видим, что ты всех сильнее.

А этот старик вертелся, вертелся, да со стены и сорвался и покатился по полу. Они за ним вслед. Иван Соснович за палицу да за ним, а он катился, катился, да в яму. Они и не застали; укатился он в подземелье; им делать уж нечего.

Вот Иван Соснович теперь и говорит:

– Знаете что, братья, этот старик, он оправится да на нас пойдет войной. Теперь нам нужно кому-нибудь спуститься да убить его там.

Ну, а яма была непомерной глубины. Иван Соснович и говорит:

– Ну, теперь пойдём на двор, наделаем ремней, надь нам его убить, а то он на нас войной пойдет, не сделаться тогда нам будет.

Они пошли во двор, зарезали всех волов, которые оставши были.

Ремней нарезали и пришли к яме.

– Ну, кто пойдет?

Все отказались. Иван Соснович:

– Ну, пойду я. Только когда приду обратно, вы меня дожидайте.

– Ладно.

Вот его и спустили в яму. Когда спустили его, там оккурат хватило этих ремней до земли до самой. Он и пошел со своей палицей.

Вот шел, шел, шел, стоит домик. Он и заходит в этот домик. Заходит в этот домик и смотрит: сидит девушка красивая и шьет. Как стёг стегнёт, так солдат выскочит, как другой раз стегнёт, так другой выскочит. Он начал у нее спрашивать:

– Что, девушка, шьешь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?

– А я сгоняю силу на Ивана Сосновича, так что Иван Соснович всю бороду у моего батюшка вытащил, еле он от него прибежал. Так что нужно силу сгонять, а потом на него воевать пойдет.

– А брось-ко, девушка, швейку в печку, я ведь тебя замуж возьму, как обратно пойду.

Она и бросила: рада, что он сказал. Он поотдохнул, поел у ней и пошел дальше. Идет, идет и идет, так же приходит в домик.

Заходит в домик, так же сидит девушка, шьет, – еще красивее той. Как стёг стегнёт, два солдата выскочат, еще стёг стегнёт – два выскочат.

– Что, девушка, шьешь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?

– А сгоняю силу на Ивана Сосновича, так что он у моего батюшка всю бороду вытащил, еле домой он прибежал. Так что надо силу сгонять, а потом пойдет воевать на него.

– А он сейчас где?

– А он еще далёко. Там есть третья девушка, он у нее.

– Брось, девушка, швейку в печку, я тебя замуж возьму, как домой пойду.

Вот она и бросила швейку. Он у нее отдохнул и дальше пошел. Вот он дальше пошел, приходит он уж к третьей девушке. Так же в избе сидит и шьет. Как стёг стегнёт, так три солдата выскочат, как другой стегнёт, так опять три.

– Что, девушка, шьешь-кропаешь, на кого силу сгоняешь?

– А сгоняю силу на Ивана Сосновича. Он и говорит:

– Слушай, девица, брось-ко швейку в печку, а я тебя замуж возьму.

Она его послушала, сама накрыла стол и стала его кормить. Ну, эта была всех красивее. Он и стал говорить:

– Ведь я иду его убивать, этого вашего дедушка.

– Ой, Иван Соснович, тебе его не убить, хотя он и кругом утереблённой; ты у него всю бороду выдрал. Он лежит сейчас в баине раненой, а мы в это время силу приготавливаем, он нас заставил. Но сейчас тебе его не убить.

– А как?

– Иначе тебе его не убить, как если я тебя не научу.

– Ну, так говори, прекрасная девица, научи. Если я не убью его, то и мне не выйти отсюда и не вывести вас.

– И вот как он сейчас лежит в баине, тут на берегу. Правда, ты сейчас к нему не ходи, а иди прямо к нему в сад. И в саду есть небольшая комнатка, а в этой комнатке есть шкафчик. Открой дверь, и там стоят две бутылочки на правой руке и две на левой. На правой руке стоят две бутылочки с живой водой, а на левой руке две бутылочки с мертвой. И вот возьми мертвую воду, переставь, где живая стояла, а живую – где мертвая стояла. И живой воды попей немного; много не пей. Когда попьешь, тогда выйди к баине, он лежит на полку, он не такой теперь, как ты видел, он такой большой старик лежит на полку, что ты устрашишься. И чем ты его будешь бить? Есть ли у тебя что за собой?

– У меня есть палица в триста пудов.

– Ну, вот и бей его, хотя с первого разу ты его и не разбудишь. И вот со второго и третьего разу он встанет и скажет: «А, Иван Соснович, ты здесь, пришел. Я здесь с тобой разделаюсь». Засвищет на подмогу себе двуглавого змея. И змей выскочит и побежит к этой избушке. Ему нужно будет попить живой воды для укрепления силы, а попьет мертвой – и околеет. Вот к чему я велела тебе их переменить. А тогда уж делай с ним, что хочешь. Он будет свистать войско, а у нас уж войска не будет, и тогда ты можешь его легко убить. А теперь ты поди.

Вот Иван Соснович, конечно, это все выслушал и пошел. Пошел кряду в сад. И зашел в комнату. Видит шкафчик; открывает, смотрит – на той и на другой стороне по две бутылочки. Вот он живую воду переложил, где мертвая была, а мертвую переложил, где живая была. Напился живой воды и пошел прочь. Спустился в баину, открыл дверь, смотрит – старик лежит и такой большенской, что прямо страшно, и подошел к нему. Подошел к нему и сейчас ударил его палицей. Старик сбоку набок повернулся, ничего ему не сказал. Он ударил его второй раз, еще покрепче. Старик еще повернулся и ничего не сказал. Вот уж он так ударил третий раз сильно, что сразмаху выскочил потолок.

Старик скочил.

– А, Иван Соснович, ты ко мне пришел? Ну, теперь ты мой. Пойдем-ко на волю, – и начал свистать.

Засвистал, змей поднялся, бросился в эту комнату, попил мертвой воды, вместо живой, и околел. Нет никого, ни войска, ни змея.

Старик и заговорил:

– Ну, черти, обманули. Ну, да ладно, я еще тебе живой в руки не сдамся, сначала повожусь, а потом ты меня убьешь.

Вот, конечно, хотел старик возиться, но Иван Соснович ударил палицей по голове, старик и упал на землю. Ударил второй раз и размозжил его всего, осталось от него мокро Ну, потом пошел к девице.

– Ну, вот, девица, я теперь убил этого старика.

– Ну, убил, Иван Соснович, теперь пойдём, я согласна с тобой итти.

И вот они собрались, она ему даёт перстенок и говорит:

– Ну, Иван Соснович, этот перстенок храни, пока мы не придем в царство.

Она была царская дочь. И она и говорит:

– Ну, а других, как же, возьмешь, что ли?

– Как же, надо взять. Нас есть еще там три брата, они дожидают нас.

Вот он приходит к другой и говорит:

– Ну, прекрасная королевна, пойдём.

Та оделась, и пошли. И тая ему ничего не даёт. И так к третьей пришли.

Приходят к третьей, он тоже сказал:

– Ну, одевайся, девица, я всех вас выведу, коли вы сослужили мне службу, представлю всех я вас на Русь. Когда они пошли, девицы и говорят:

– Я – царская дочь; я – королевская; я – княжеская.

Он и говорит:

– Ну, я отдаю вас за братьев, а эту за себя возьму, а одному не достанется.

И вот они приходят к этой яме, где был ремень. Вот и начинает его трясти, и говорит:

– Ну, давайте, поочередно ставайте, а в последних я. Вас они вызыдут.

И вот они начали здымать. Первую княжеску дочь.

Они и говорят:

– Ах, какая девушка хороша. Вторую выздынули:

– Хорошо, коли бы третью достать. Он и говорит:

– Ну, царевна, давай, теперь ты подымайся. Она и говорит:

– Слушай, Иван Соснович, ты сначала выстань сам, а потом подынешь меня, а то они тебя оставят в яме.

– Ну, что ты, разве они меня оставят?

– Ну, смотри, спомнишь меня. Их трое и нас трое, а ты смотри, сам останешься. Слушай ты меня, выстанешь, а то пропадут все твои труды: ты убил змея, я тебе не достанусь, останешься ты в яме навеки.

– Нет, они меня выздынут.

– Ну, смотри.

И так он все-таки положил ее.

– Ну, ставай, прекрасная царевна, подымайся. И когда они вытащили третью, и говорят:

– Ну, вот, нам теперь всем по одной, есть ли у него еще какая? Если нет, то мы, пожалуй, его и не потянем, – спрашивают у девиц. Те говорят:

– Мы не знаем.

А Усыня и говорит:

– Нет, тянуть его все-таки надо.

Спустили ремень и стали тянуть. А Дубиня и говорит:

– Нет, я буду неженат.

Взял ремень, срезал, он и полетел обратно туда. Когда он полетел в яму, то царевна, конечно, им ничего не сказала, а сама подумала: «Говорила я ему, а теперь все его труды пропали».

И так взяли они этих трех красавиц и пошли в город. А про этих красавиц знал Кощей Бессмертный. И как узнал, что они пришли до царства, налетел на царство, отобрал этих красавиц, молодых двоих убил, а третьего ранил. И сам с красавицами улетел. А это царство все окаменело.

Пока этих оставим, теперь за Ивана Сосновича возьмемся.

Ну, вот, когда этот Иван Соснович пал на землю, пролежал пол-суток без памяти, потом очнулся. «Ну, где я, чорт возьми? Не послушал прекрасной царевны, вот опять в яме. Вот они что со мной сделали, братья. Ну, ладно».

И пошел обратно в подземелье. Потом приходит он к этой избушке. Ну, что, нет никого, посидел, поел и дальше идет.

Пришел уже в третью, ему захотелось спать. Поспал, поел, пошел на эту площадь, где убил старика. Потом пошел в сад. Глядит, около этого домика свалился змей, лежит. Ну, что, нет никого. Дальше пошел в чисто поле.

Приходит в поле, смотрит – стоит большая сосна, и видит – стадо волов ходит само собой, без пастуха. Большое стадо.

Вот он пришел к этой большой сосны и сел, и слышит на сосны кричат орловые дети:

– Ох, спаси нас, молодец!

– Как я вас спасу, чего вам нужно?

– Да мы голодные, мать улетела на Русь, долго нет, а мы голодные, подняться не можем.

– Так вы что, есть хотите?

– Да, есть.

Он схватил вола, притащил, розорвал на мелкие части и дал им.

– Ну, спасибо, Иван Соснович, а Мать прилетит, она уж тебе отомстит, сделает, что тебе нужно. Только ухоронись, когда прилетит, чтобы она тебя самого не сглонула, она ведь большая.

Вот он стоит. Стоял, стоял, стоял, видит – летит какая-то сильная гора. Это птица.

Дети и закричали:

– Смотри, Иван Соснович, это мать летит. Ухоронись за дерево, чтобы она тебя не видала.

И вот он ухитился за дуб, она и прилетает. Вот они начали плакать, говорить:

– Вот ты бросила нас, мы чуть не умерли. Вот кабы не добрый человек, мы бы и умерли. Да как он спас, накормил нас, мы и живые.

– Ну, а где этот человек, кто он есть?

– А этот человек Иван Соснович, остался здесь в подземелье.

Вот она и начинает ему говорить:

– Здорово, Иван Соснович. Ну, так что тебе надь за то, что ты моих детей покормил?

– Да мне ничего такого не надь, сослужи мне-ка службу, если можешь.

– Ну, каку тебе, Иван Соснович, надо службу сослужить?

– Вот вынеси меня на Русь отсюда, больше мне ничего и не надо.

– Да на Русь, Иван Соснович, лететь далёко, надо большие запасы иметь. А ведь ты, Иван Соснович, не легкой, тебя тащить, так надо большой запас иметь.

– Ну, я уж не знаю, какой надь запас, скажи.

– Прежде всего нужно убить сорок волов мне-ка на дорогу. И как полетим, ты мне кидай по полу-вола в рот. И потом нужно сорок ведер воды. Как пол-вола бросишь, съем, и так ведро воды. А теперь, ты убил нашего старика здесь?

– Убил.

– Вот, сходи в сгонный домик и принеси живой воды, мне даешь немного и себе возьми с собой. Это все собери, притащи, а уж я буду готова, сослужу тебе службу, как ты спас моих детей.

Он пошел в это стадо, зарезал сорок голов, притащил мясо и пошел в сад. Взял живой воды пузырек с собой и приходи к ней обратно. Она спустилась с этой лесины с большой, и он все привязал ей к крыльям.

Сел он, они и полетели. Вот летят, летят, она оглянется, – он ей пол-вола да ведро воды. Летят, летят, а нужно было пролететь через три моря. И вот он так летел, все кидал. Второе море перелетели, вот уж на третье вылетели, у него уж волов стало мало, всего десяток, а лететь надо целое море. Он стал ей поменьше кидать куски. Когда он стал поменьше кидать куски, она стала чаще оборачиваться и садиться стала книзу. Вот стал берег виднеться, а у него уж осталось только полвола, она и говорит:

– Ну, я есть хочу, а то я тебя брошу.

Он дал ей последнего пол-вола и немножко живой воды. Она и приободрилась. Ну, подлетел он немного, и говорит орлица:

– Есть хочу.

А ему бросить больше нечего. Она и говорит:

– Ну, Иван Соснович, вырезай хоть икры из ног, да бросай мне, а то нам не долететь.

Он, ничо не говоря, икру вырезал, да потом и другую, бросил ей.

Так они добрались до берега. Когда перебрались через, стала она на землю, а он стать на ноги не может и говорит:

– Ну, куда я теперь пойду, как стать на ноги не могу, слушай, орлица.

Тогда она и говорит:

– Ну, ладно, Иван Соснович, коли ты не пожалел уж икр своих, я тебе их обратно вытошню.

Вот она и выкашлянула.

- Ну, а теперь ты их ставь обратно, да смажь живой водой, будешь здоров.

Он вставил, смазал и встал.

– Ну, а теперь остальную воду дай мне напиться, а то я не долечу. Ведь мне тебя надо было тащить да твою палицу триста пудов. Тебе вода больше не понадобится, хотя ты еще много горя примешь дорогой.

И так распротился Иван Соснович с птицей, она выпила воду и полетела вперед.

И вот он идет, идет и идет, смотрит – лежит рать убита.

Идет он по этой рати и увидал Горыню убитого. Посмотрел он на него и пошел дальше. Дальше пошел, идет, смотрит – вторая рать лежит убитая. И вот подошел, и видит: лежит Дубиня и тоже убитой.

И он идет дальше. И видит: невдалеке виднеется палище какое-то, и тоже лежит рать убитая. Ну, все оно было спалено. Пришел к третьей рати, видит – сидит Усыня на кусту, ноги и руки отрублены и весь израненной, но только живой.

Вот он к нему и подошел. Увидал его, и стал спрашивать:

– Ну, здравствуй, богатырь Усыня.

– Здравствуй, здравствуй, Иван Соснович, как ты сюда попал?

– Да как попал! А где же твои братья?

– Братья мои все убитые, и я в таком же положении.

– Ну, дак где эти красные девицы, которых я достал из подземелья. Скажи, почему вы меня оставили в подземелье, бросили, обратно не вытянули?

– Да слушай, Иван Соснович, я тут не виноват, я-то просил братьев, что давай вытянем, а Дубиня как раз резал ремни, боялся, что ему не достанется невеста. И, конечно, нам никому-то не досталось.

– А где они теперь есть?

– А их унес Кощей Бессмертный, а царство все окаменело. Он убил наши все три рати, прижгал, забрал этих девушек и улетел, и не знаю, где он есть.

– Ну, Усыня, я бы тебе уж не помнил бы зла, ну, а как у меня нет тех средств, чтобы тебя поправить, уж извини, я тебя убью, чтобы тебе не мучиться.

Теперь Иван Соснович пошел опять вперед. Вдруг видит – идут два человека с копорулями. Он подошел к ним и спрашивает:

– Куда отправились, молодцы?

– Пошли узнавать к высоким горам, где Кощей Бессмертного смерть, иначе нам не убить его, пошли разыскивать, так что он погубил наше все царство.

– Ну, так возьмите меня в товарищи. Я вам помогу, он мне нужен.

Ну, они пошли дальше. Вот встречаются им – идут два человека с лопатами, тоже по этому делу. Собирается компания цела.

– Вы куда? – он спрашивает.

– Мы идем к высоким горам узнать, где Кощея Бессмертного смерть. Надо стать-доставать.

- Возьмите нас.

– Пойдемте.

Идут дальше. Теперь идут, смотрят, идут два бурщика, и третий человек несет сумочку – взрывчато вещество. И он спрашивает их:

– Куда отправились, молодцы?

– К таким-то, таким горам, надо во что бы ни стало убить Кощея Бессмертного.

– Ну, давайте вместе.

И пошли. Вот они приходят к такой высокой горе, что прямо голову заломить. Этот последний, который был с сумочкой, и говорит:

– Вот, ребята, эту всю гору надо разобрать, а там ящичек, в нем смерть Кощея Бессмертного. И этот ящичек надо еще разбить, а там яичко, его надо раздавить. Ну, у нас силы наверно ни у кого нехватит.

– Так вот, вы, молодцы, рвите, разрывайте гору, а уж Этот ящичек я разобью, и вам буду тоже и сейчас помогать.

Все принялись дружно за работу. Вот эти бурщики принялись за свою работу: бурить; срывающий – отрывал; копорульщики своими копорулями работали; лопатники лопатами сгребали, а Иван Соснович большие камни руками отрывал. И в три дня они эту всю гору разобрали. И вот добрались до той подошвы, где лежал этот ящичек. Ну, ящичек не мог стоять на одном месте: так и вертелся с боку набок, когда освободился из-под горы. Тогда и говорит бурщик:

– Ну, ребята, кто из нас может теперь этот ящичек раздавить, не теряйте времени. Если налетит Кощей Бессмертный, узнал ведь, то, как схватит этот ящичек, нам его и не убить будет, он ведь силен.

Иван Соснович вытаскивает свою палицу и так размахнул, что ящичек лопнул, и гром пошел по всем лесам. И осталось на этом месте одно мокро. Теперь говорит взрывщик:

– Ну, теперь пойдем к Кощею Бессмертному, хотя его нету, он где-то летает. А мы пойдем к нему и возьмем этих девиц, которых он забрал. Хотя это твое дело, Иван Соснович, ты все это сделал, ты будешь у нас за старшего, хотя и мы помогли отчасти.

Так они пошли. Он шел наперед. Вот и приходят они к Кощею Бессмертному в жилище. Иван Соснович пошел разыскивать этих девиц, а они остались смотреть помещения. И чего-чего они только там не видали! Долго Иван Соснович ходил по темному замку, ничего он не видит. Наконец, видит дверь, зашел туда, а там еще хрустальная дверь, и там сидят эти три девушки. А у них играют гусли-самогудки. Когда он пришел только, сразу они его узнали:

– Ох, Иван Соснович, как ты пришел, ведь Кощей Бессмертный тебя убьет.

– Нет, не печалуйтесь, красные девицы. Его нет, и я вас пришел спасти последний раз. И пришел я оттуда, где меня оставили братья, и видел я их убитых всех.

– Ну, а теперь, Иван Соснович, забирай гусли-самогудки, потому что весь наш город окаменелой. И когда придем туда, заиграй в гусли-самогудки, и весь народ оживет. У нас будет житье, и я выйду за

тебя. А с остальными красавицами, воля твоя, хошь за кого хошь отдавай, хошь отпускай.

И вот он берет гусли-самогудки и пошел оттуда. И видит – братья роются в золоте и нагребают себе денег. Он и говорит:

– Ну, берите себе, только сколько вам надо, а мне не надо, я и так буду не бедный.

Вышли они все вместе оттуда, из Кощеева жилища, и подходят к городу, который был окаменелой. Заиграл Иван Соснович в гусли, и весь народ очнулся; все было по-старому, и они сразу зашли в царский дворец с этими девицами, где сидел царь на своем троне.

Когда она пришла в царство свое, подошла к отцу, и говорит:

– Ну, отец, смотри на моего спасителя, он меня первый раз достал из подземелья, ну, его братья там оставили, а уж теперь он достал от Кощея Бессмертного. Тогда сказал этот царь:

– Ну, ладно, дочь, коли так, достал он тебя второй раз, то он порядочно истерпел.

Сейчас пошел у них пир, игратья свадьба. Тогда Иван Соснович все это обсказал, что с ним случилось, как он родился, с конца и до конца. После этого царь поставил его наследником, а после смерти своей оставил ему престол.

И стали жить да быть до глубокой старости со своей царевной.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Иван Соснович" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)